

КОСТОМАРОВА Н. М. — в МПКК

КОСТОМАРОВА Надежда Михайловна, родилась в 1895. Училась на историко-философском факультете Высших женских курсов в Москве. После революции преподавала в детской колонии при трудовой школе, давала также частные уроки. 13 июля 1919 — арестована с родителями, сестрой, тетей и заключена в одиночную камеру Бутырской тюрьмы.

В декабре 1919 — по просьбе юридического отдела МПКК заполнила "Опросный лист", записав в графе "Особые замечания".

<30 декабря 1919>

«ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ:

Брат моей мачехи около двух лет <назад> уехал служить в Харьков, почти целый год мы не имели от него известий, теперь, оказывается, он у белых и оттуда он прислал письмо своей матери, жившей у нас, и своей сестре, жене моего отца — письмо, что он жив и здоров. Отец не выдал привезшего письмо, и это сделалось причиной ареста. Но об этом я узнала лишь на допросе и от позже арестованной матери его, Ираиды Алекс<еевны> Скворцовой, уже в Бутырской тюрьме, т<ак> к<ак> до ареста я не жила дома, т<ак> к<ак> служила в детской колонии при 44-й Един<ой> Тр<удовой> Шк<оле> 1-й ступени, где и жила, а домой приезжала лишь на праздники, как было и на этот раз. Арест был в ночь с субботы на воскресенье, на ордере было написано: произвести обыск в кв<артире> № 14 и задержать подозрительных лиц. При обыске были взяты некоторые частные письма. Арестованы: отец <Костомаров Михаил Михайлович>, квартирант, горничная и я; остальные <сестра Костомарова Людмила Михайловна и тетя Костомарова Вера Михайловна> остались под домашним арестом, а в квартире оставлена засада. Причины ареста я не знала. Допрос у меня был почти через две недели. На допросе следователь спрашивал у меня: биографию отца, биографию моей сестры и мою; задал вопрос, не приезжал ли кто-нибудь к нам, я ответила, что две недели тому назад приезжал с фронта мой знакомый, военный врач; но этот ответ его не удовлетворил: тогда же про приезд с письмом от Бориса Скворцова я не знала и поэтому не могла больше ничего сказать; следователь просил еще назвать всех моих знакомых с тем, чтобы их арестовать, — я отказалась. На мой вопрос, за что арестована, он отвечал уклончиво, и как будто меня скоро должны были выпустить. Хотела прочесть протокол, но следователь сказал, что не надо, и я подписала, не читая (после двух недель сидения в сыром подвале ВЧК, где все мужчины все время курили махорку, и не было никакой вентиляции, у меня кружилась голова, и я поэтому не сообразила, что надо было настоять и все же прочесть протокол). Второй допрос был вызван следующим: на допросе сестры ей показали бумагу, найденную в нашей общей комнате, и про которую следователь сказал ей, что это присяга г<осподи>ну Скоропадскому. Сестра ничего не поняла в этой бумаге и, увидав там заметки моей рукой, посоветовала следователю обратиться за разъяснениями ко мне. Эта бумага оказалась польско-литовским статутом 15 в<ека>, я в 1916-17 учебн<ом> году писала реферат у профессора П. В протоколе этого же допроса следователь отметил, что про письмо, привезенное от Скворцова, я узнала лишь на допросе, а также лишь на допросе узнала, что он служит в белой армии. После допроса я ничего о своем деле не знаю

Подпись

Н. Костомарова»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 194. С. 128. Автограф.

*«На "Опросном листе" — помета секретаря ПКК:
«Освобод<ена> с принуд<ительными> работами».*